

ВОРОНЕЖСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОЛИНА СИНЁВА

Мой дом, со мной успевший разминуться,
меня не знал – а я уже была,
и долгий путь от двери до стола
вновь повторяла, чтобы здесь проснуться,
и мир, из пробуждения сотворенный,
дрожал и тёк, прозрачный, удивлённо
сквозь комнату, сквозь голые деревья
за окнами. Не выключай здесь время,
веди меня сквозь эти зеркала.

ПОЛИНА СИНЁВА

Мой дом, со мной успевший разминуться,
меня не знал – а я уже была,
и долгий путь от двери до стола
вновь повторяла, чтобы здесь проснуться,
и мир, из пробуждения сотворенный,
дрожал и тёк, прозрачный, удивлённо
сквозь комнату, сквозь голые деревья
за окнами. Не выключай здесь время,
веди меня сквозь эти зеркала.

Птица

Город блуждает, затерянный, как игла.
Шапка из мрамора вырезает край стола.
Глазом на ветку, растущую в твоё окошко,
птица склится. У птиц внутри темно.

У птиц внутри холода, ночной гримы,
пустое гнездо, познанный зеркалом,
два океана, летя в другом саду,
корабль, затерянный путь не на ту звезду,
старая клетка, втроем согнутых медь.

У птиц внутри – лететь ещё и лететь.
У птиц внутри – трава, тополиный пух,
лёгкие восточной лавины, дробет и слух,
прутики, листья, солома, бархат и антрацит.
Нитки пространства, которое не носить.

Учредители: Воронежский государственный университет, Профсоюзный комитет ВГУ, Профсоюзный комитет студентов ВГУ.

Газета зарегистрирована Центральным-Черноземным региональным управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства РФ о СМИ 11.05.1999 Рег. № В 1794.

Распространяется бесплатно

Главный редактор:
П. А. Пономарёв

Фото:
Д. Б. Чернов

Дизайн и вёрстка:
Ю. А. Устьянцева

На обложке:
доцент кафедры общего языкознания и стилистики филологического факультета ВГУ
Марьяна Розенфельд

На последней странице обложки:
студентка 3 курса филологического факультета
Наталья Гинько

Авторская позиция не всегда может совпадать с точкой зрения редакции.

16+

СОДЕРЖАНИЕ

3–4

Сотрудничество

СТУДЕНТЫ ВГУ ВСТРЕТИЛИСЬ С АТТАШЕ ПО КУЛЬТУРЕ ПОСОЛЬСТВА ИРЛАНДИИ В РОССИИ ДЖЕКОМ МАККОРМАКОМ

Об Ирландии и о том, что у неё общего с Россией

5–6

Событие

«ИХ ЛИЦА БУДУТ СМОТРЕТЬ НА НАС»: НА ФИЛФАКЕ ВГУ ОТКРЫЛИ МЕМОРИАЛЬНЫЕ ДОСКИ ПРОФЕССОРАМ ЛОМОВУ И РАСПОПОВУ

Портреты знаменитых языковедов появились на 3-м этаже 2-го корпуса ВГУ

7–10

Наука

НА ПОЛПУТИ К ОТКРЫТИЮ. ФИЛОЛОГИ ВГУ ПРОНИКАЮТ В СОЗНАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОЭТОВ?

Как сотрудники филфака ВГУ изучают поэтическое мышление в быту

11–14

Студенчество

КОМАНДА ВГУ «ДОКТОР НАУК АКАДЕМИК ШВАРЦЕНГОЛЬТ»: ПЕРВАЯ НА ВСЕРОССИЙСКОМ СТУДЕНЧЕСКОМ МАРАФОНЕ

Соревнования прошли в начале февраля в Краснодарском крае

15–17

Интервью

АСПИРАНТКА ФИЛФАКА ВГУ ДАРЬЯ ГАЛЬЦОВА: «НАУКОЙ НУЖНО ЗАНИМАТЬСЯ КАЖДЫЙ ДЕНЬ»

Исследовательница рассказывает о диалектологии, с которой связала научную жизнь

18–23

История

ПРОФЕССОР ВГУ – ГЛАВНЫЙ ХИРУРГ КРАСНОЙ АРМИИ

Как Николай Бурденко прошёл медицинский путь от Воронежа до Москвы

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Внести изменения в объявление, опубликованное в газете «Воронежский университет» от 19.11.2021 № 10/11 (2657/2658) в части, касающейся кафедры технологий обработки и защиты информации, изложить в следующей редакции:

Кафедра технологий обработки и защиты информации
– ассистента 0,25 ставки

СТУДЕНТЫ ВГУ ВСТРЕТИЛИСЬ С АТТАШЕ ПО КУЛЬТУРЕ ПОСОЛЬСТВА ИРЛАНДИИ В РОССИИ ДЖЕКОМ МАККОРМАКОМ

Текст: Юлия СОКОЛОВА

Фото: Дмитрий ЧЕРНОВ, Юлия СОКОЛОВА

*13 января в ВГУ состоялась встреча студентов с атташе по культуре посольства Ирландии в России **Джеком МакКормак** «Трансформация Ирландии в середине 1990-х годов. Положение страны в настоящее время». На встрече были студенты исторического факультета, факультетов романо-германской филологии, международных отношений. Джек МакКормак рассказал об истории страны, её экономике и политике, особенном менталитете, трудностях европейской интеграции и забытом ирландском языке.*

За 30 лет Ирландия превратилась из беднейшей страны в Европе в государство с устойчивым экономическим развитием, которое обладает одним из самых больших ВВП на душу населения. В короткие сроки страна смогла перейти от аграрной экономики к постиндустриальной. Международное сообщество поверило в Ирландию и стало активно инвестировать в неё, что невозможно было представить сто лет назад. Изменения повлияли и на менталитет ирландцев.

Многие люди в США позиционируют себя как ирландцы, однако вопрос идентичности является достаточно сложным.

Несмотря на то, что их представления о собственной идентичности комплексные и полные, стоит отметить, что ирландцы, которых можно встретить в США, будут сильно отличаться от ирландцев, которых можно встретить в Дублине. Раньше эмигранты бежали от бедности и от экономических потрясений, а в последние 30 лет если люди покидают Ирландию, то их переезд обусловлен стремлением к профессиональному росту. Эмиграция сегодня – это не нужда, а возможность.

Ирландцы поддерживают своих соотечественников. С XIX века началось расширение ирландских общин, и, в какой-то

степени, международная известность Ирландии связана с существованием крупных диаспор в различных частях мира. Даже в Москве есть представители ирландской диаспоры, хотя в Россию эмигрируют, безусловно, меньше, чем в другие регионы.

Когда мы говорим о сегодняшней Ирландии, мы имеем в виду благополучную страну, которая активно сотрудничает с государствами – членами Европейского союза, – страну возможностей, страну, в которой новые поколения чувствуют себя безопасно.

Около 70 % людей, живущих сегодня в Ирландии, не были там рождены. Страна, которая 30 лет назад была известна тем, что из неё все хотели уехать, сегодня является принимающим государством, в котором все хотят жить. Опросы показывают, что лишь один из пяти респондентов является коренным ирландцем – это указывает на крупные демографические изменения. Замечательно, что такие изменения не вызывают ни социальных, ни экономических потрясений, хотя раньше ирландцы, которые переезжали за границу, сталкивались с преследованием со стороны государства.

Сильно изменился и общественный строй за последние 20–30 лет. Особенно очевидной эта трансформация будет для человека, который посещал Ирландию сначала в 80-х или 90-х годах XX века, а потом, например, в нулевых или десятых годах XXI века.

Важную роль в процессе развития Ирландии сыграл процесс разделения властей, а также отделения церкви от государства. Религиозные эмигранты, вернувшись на Родину, могут удивиться тому, насколько либеральным стало ирландское общество.

Джек МакКормак подчеркнул важность взаимодействия России и Ирландии, а также отметил, что несмотря на большое расстояние, разделяющее государства, страны всё равно являются соседями по Евразийскому пространству. Атташе утверждает: и русские, и ирландцы должны более тщательно изучать историю других народов, и, возможно, это позволит найти больше общих черт и укрепить культурные связи.

Одной из самых волнующих тем для студентов ВГУ оказалась академическая мобильность во время пандемии. Атташе по культуре посольства Ирландии в России успокоил аудиторию: программы обмена продолжают успешно функционировать даже в условиях непростой эпидемиологической ситуации. Кроме того, Джек МакКормак высоко оценил технологическое развитие и образовательные направления Воронежского госуниверситета и выразил надежду на успешное дальнейшее сотрудничество.

Представителей факультета романо-германской филологии интересовало, почему в Ирландии говорят на английском, используется ли в стране собственный язык. Джек МакКормак подтвердил, что ирландский язык действительно существует, но число его носителей, к сожалению, крайне мало и составляет около 65 тысяч человек. Это печалит самих ирландцев: язык – важнейший культурный код, и с его потерей нация может утратить и свою идентичность.

Джек МакКормак пригласил всех посетить Ирландию, если представится такая возможность – несмотря на свою маленькую территорию, это очень интересная страна.

«ИХ ЛИЦА БУДУТ СМОТРЕТЬ НА НАС»: НА ФИЛФАКЕ ВГУ ОТКРЫЛИ МЕМОРИАЛЬНЫЕ ДОСКИ ПРОФЕССОРАМ ЛОМОВУ И РАСПОПОВУ

Текст: Павел ПОНОМАРЁВ

Фото: Дмитрий ЧЕРНОВ

На филфаке ВГУ 20 января открыли мемориальные доски, посвящённые знаменитым профессорам факультета – **Игорию Павловичу Распопову** (1925–1982) и **Анатолию Михайловичу Ломову** (1935–2018). Доски с портретами выдающихся языковедов разместили на третьем этаже второго учебного корпуса ВГУ – около кафедры русского языка. Оба учёных в своё время были её заведующими, а сегодня кафедрой возглавляет доктор филологических наук **Людмила Кольцова** – ученица Игоря Павловича и Анатолия Михайловича.

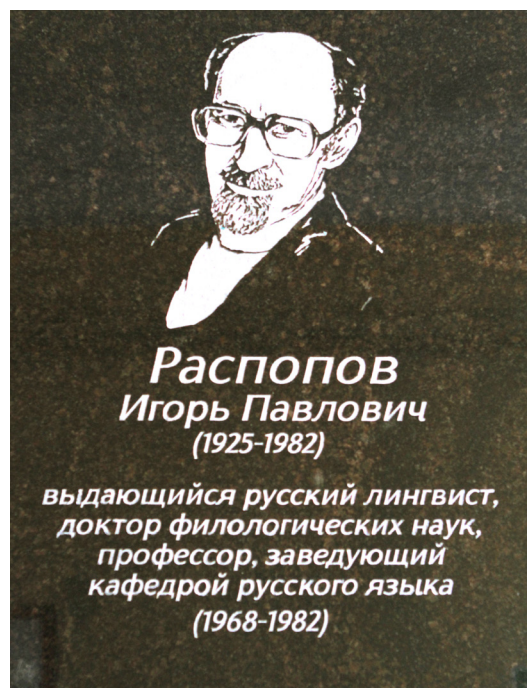
На встрече, которую вёл доцент кафедры русского языка **Сергей Чуриков**, много вспоминали. Вспоминали своих учителей. Людмила Кольцова рассказывала, как после «преждевременного – безвременного» ухода из жизни профессора Распопова – научного руководителя Кольцовой – её под свои опеку и руководство взял профессор Ломов.

– Мне в этой жизни очень повезло, потому что нас учило поколение фронтовиков, – отметила Людмила Михайловна. – Из этого поколения был и Игорь Павлович Распопов.

Завкафедрой французской филологии РГФ ВГУ **Елена Алексеева**, вспоминая своего научного руководителя Анатолия Михайловича Ломова, выявила три ипостаси личности профессора: Ломов-педагог, Ломов-человек и Ломов-учёный. Цементом, соединяющим эти три кирпичика в единое целое «Ломов», были строгость мышления и академизм, воплощением которого Анатолий Михайлович стал в полной мере.

Главный референт губернатора Воронежской области **Александр Тимашов** – выпускник филфака, которому, увы, не довелось быть студентом Распопова и Ломова (первый лекции для курса, на котором учился Тимашов, не читал, второй в это время был за границей), тем не менее общался с обоими:

– Профессор Распопов был нашей моральной и духовной поддержкой, когда мы, студенты филфака, решили организовать встречу с ветеранами войны – сотрудниками факультета. Не хотели почему-то доверять нам организацию этой встречи, но мы (в том числе благодаря поддержке Игоря Павловича) всё равно её провели. А с Анатолием Михайловичем оба мы родом из одного детства – из села Мосоловка Аннинского района. Часто мы с Анатолием Михайловичем мечтали съездить туда – посетить

родные места, сесть на крутояре над Битюгом, поговорить о родных, о близких... Не успели. Но осталась память – проза Анатолия Михайловича, где он много пишет о селе, его жителях и его истории.

Вдова профессора Ломова, доцент кафедры перевода и профессиональной коммуникации **Татьяна Михайловна Ломова**, поблагодарила всех университетских людей, помнящих её мужа, и скульптора **Юрия Астапченко** – создателя мемориальных досок профессоров Расопова и Ломова.

Вспоминали качества, которыми обладали оба профессора. Сошлись на том, что у обоих были два «бес/з» – бескорыстие и безвозмездность. Бескорыстно любили своих учеников – любовь оказалась взаимной. Безвозмездно делились с ними своими научными идеями – может, потому многие ученики сами впоследствии стали докторами наук, заведующими кафедрами, доцентами... **Алексей Кретов, Людмила Величкова, Валентина Корнева, Лариса Рыбачева, Олег Алейников, Татьяна Голицына** и многие другие – все они, представляющие сразу два сопричастных факультета – филфак и РГФ, – собрались возле кафедры русского языка, чтобы вспомнить своих учителей. Это место на филфаке, как сказала декан факультета **Жанна Грачёва**, – теперь то место, где соединяются живые и ушедшие.

– Их лица (для многих из нас дорогие, потому что лица наших учителей) будут смотреть на нас. Они для нас – не просто учителя. Они – очень близкие люди, которые помогали нам выстоять, – заключила Жанна Грачёва.

НА ПОЛПУТИ К ОТКРЫТИЮ. ФИЛОЛОГИ ВГУ ПРОНИКАЮТ В СОЗНАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОЭТОВ?

Текст: Павел ПОНОМАРЁВ

Фото: Дмитрий ЧЕРНОВ

Филологи ВГУ попробовали изучить индивидуальное сознание современных поэтов психолингвистическими методами – то есть методами науки, где соединяются лингвистика и психология. Главный вопрос: когда поэт пишет стихи и когда создаёт другие тексты (например, общается в быту) – он пользуется одними и теми же словами или нет?

Одним из идейных вдохновителей исследования был профессор кафедры общего языкознания и стилистики филфака ВГУ **Иосиф Стернин**. Руководителем стал доктор филологических наук, завкафедрой истории и типологии русской и зарубежной литературы **Андрей Фаустов**. Методологическую базу обеспечил профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики РГФ ВГУ **Алексей Кретов**. Реализацию проекта осуществляет доцент кафедры общего языкознания и стилистики **Марьяна Розенфельд**.

Проект длится почти восемь лет. Процесс долгий, потому что в России аналогов подобных исследований нет. Между тем в современной российской науке немало работ и по компьютерной лингвистике, и по психолингвистике. Воронежский поэтический текст как объект изучения тоже неплохо представлен в научной литературе. Но соединить всё это в одном научном исследовании никому не приходило в голову. До тех пор, пока не подключились исследователи с филфака ВГУ.

ОПРОСНЫЕ ЛИСТЫ В СТОЛИЧНЫХ БАРАХ

Поэт и его поэзия. Казалось бы, не представляет сложности – при достаточных филологических навыках и опыте – составить поэтическую подборку и сделать её анализ.

– Но у нас другая цель, – говорит Марьяна Розенфельд, которая работает непосредственно с авторами и их текстами. – Наше исследование больше лингвистическое, чем литературоведческое. Нам важно понять, как работает мышление человека, создающего художественный текст.

И одна из магистральных идей исследования состоит в разграничении этого мышления в случае написания художественных текстов и нехудожественных.

– Художественное сознание мы хотим сопоставить с обыденным, – поясняет Марьяна Яковлевна. – Но как зафиксировать мыслительный процесс? Для этого изучается его материальное воплощение – художественный текст и обыденная речь. Меняется ли языковая картина, когда автор переключается с одного типа текста на другой?

На этот вопрос и пытаются ответить филологи ВГУ.

Обозначенная проблема может решаться не только применительно к художественному тексту, но и, например, – к тексту поста в соцсети, к научному тексту, к рекламному тексту. В принципе к тексту, созданному с использованием творческих ресурсов человеческого сознания.

– Но мы взяли для работы художественные – поэтические – тексты, потому что, на наш взгляд, это интереснее всего, – отмечает Марьяна Яковлевна. – Нас интересовала проблема творчества не с психологической точки зрения, а с семантической. Проще говоря, каков язык автора в быту и в творчестве – это один и тот же язык или это разные языки?

Чтобы исследование получилось, нужны были в прямом смысле слова живые поэты – люди, которых можно вовлечь в различные психолингвистические эксперименты: задать вопросы на ассоциации к тем или иным словам, попросить придумать определения слов, разбить слова на тематические группы.

Живых поэтов в Воронеже (и не только в Воронеже) нашли.

Первым «подопытным» стала председатель воронежского отделения Союза российских писателей, поэт **Галина Умывакина**. Вторым – поэт **Полина Синёва**. Третьим – поэт и переводчик **Юлий Гуголев**, живущий в Москве. Тем интереснее было проводить эксперименты, не похожие на опыты в лабораториях, – Гуголев, который не только поэт, но ещё телеведущий и знаток кухни (всё это соединилось в его телепрограмме «Москва в твоей тарелке»), водил экспериментатора Марьяну Розенфельд по столичным кафе, ресторанам, барам, где заполнял опросные листы. Одним словом, эксперимент удался.

Не стоит, правда, думать, что всё изначально шло гладко. Так, например, одним из самых сложных этапов оказался подготовительный. Мало было найти поэта – нужно было добиться от него разрешение на эксперимент. Кандидатуры «согласных» Умывакиной, Синёвой и Гуголева чередовались именами, называть которые не будем, но дадим понять, что те отказались. По разным причинам: кто-то боялся разрушения авторского образа, сконструированного за годы успешного и плодотворного творчества; кто-то опасался «не оправдать ожиданий» исследователей.

И всё-таки исследование состоялось.

ИСКУССТВЕННЫЙ ОТБОР

Чтобы сопоставить языковое сознание, представленное в художественном и нехудожественном текстах, нужны слова – основа такого сопоставления. И здесь на помощь филологам приходит компьютерная лингвистика. При помощи различных методик из текста можно извлечь слова, наиболее значимые для его автора. В исследовании филологов ВГУ использовалась концепция маркем – ключевых слов в тексте, – придуманная профессором факультета РГФ ВГУ Алексеем Кретовым (как вы помните, именно он обеспечивал воронежским филологам методологическую базу их исследования).

Маркемы – это имена существительные, обладающие определёнными длиной и частотностью. Они наиболее типичны для того или иного автора. Сначала маркемы извлекаются из стихотворных текстов, а потом предлагаются их авторам в различных психолингвистических экспериментах (поэтам, конечно, не сообщается, что сейчас они имеют дело со своими же ключевыми словами).

Полученные экспериментальные данные можно по-разному интерпретировать. Прежде всего их нужно статистически обработать, чтобы понять, насколько маркемы востребованы в обыденной речи автора.

В этом помогают представители факультета ПММ – лаборатория профессора **Ирины Ворониной**. Здесь создаются компьютерные программы, позволяющие смоделировать ментальный лексикон испытуемых. Для начала – ассоциативные поля изучаемых слов. На основе этих материалов студенты ПММ даже защищают выпускные работы – например, магистерская диссертация **Наталии Свиридовой**. Наталья, окончив ВГУ, и сейчас продолжает сотрудничать с филологами – считывает новые данные, полученные в её компьютерной программе.

Но прежде чем получить данные, нужно провести эксперименты.

ЭКСПЕРИМЕНТЫ

В психолингвистике много экспериментов.

Эта наука всегда работает с личностью (в отличие от компьютерной лингвистики) – изучает индивидуальное сознание. Поэтому методы в психолингвистических исследованиях нередко заимствуются из психологии.

Исследование филологов ВГУ не исключение: оно носит экспериментальный характер.

Марьяна Розенфельд, работая с текстами воронежских поэтов, использует как минимум четыре эксперимента.

Ассоциативный эксперимент:

а) свободный: испытуемому предлагают сто слов и просят отреагировать на каждое из них первым словом, что придёт на ум. Например: «поэт» – «существо». Разумеется, автор не знает, что половина этого списка – слова из его же произведений;

б) направленный: тот же список из ста слов, только теперь по поводу каждого нужно ответить на вопросы «какой?» и «что делает?» Например: «текст» – «гениальный», «поэт» – «создаёт».

Эксперимент на свободные дефиниции: испытуемый должен дать свои определения предложенным словам. Например, «поэт» – «существо, создающее гениальные тексты».

Эксперимент «шкалирование»: каждое предложенное слово нужно оценить по нескольким придуманным исследователями шкалам, например «хорошее – плохое», «большое – маленькое», «моё – чужое» и т. д.

Эксперимент на группировку: предложенные слова следует сгруппировать по общей тематике, объединить в синонимичные и антонимичные пары.

Полученные экспериментальные данные дают возможность понять, какова семантика изучаемых слов в обыденном языковом сознании автора и в его поэтическом сознании. Также филологи ВГУ сравнивают встречаемость слов в пределах контекста в исходных художественных текстах и в текстах, созданных в экспериментальной ситуации. Важно проверить, распадаются ли исходные контекстные связи, когда заканчивается художественное произведение и начинается нехудожественный текст.

Исследование, направленное на семантизацию ключевых слов, было проведено со всеми тремя авторами. А вот сопоставление контекстных связей сделано только на материале, полученном в эксперименте с Полиной Синёвой. Она из всех участников эксперимента оказалась самой активной и «благодарной».

– Экспериментальный характер нашей работы предполагает свои сложности. Главная из них – трудоёмкость. Так как исследование носит пилотный характер, нередко приходится нащупывать идеи и методики. И встречаться с испытуемыми вновь и вновь – с очередной порцией психолинг-

вистических вопросов. Не каждому хватит на такое терпения, – рассказывает Марьяна Розенфельд.

Тем не менее, благодаря Полине Синёвой филологи ВГУ апробировали разные методики своего исследования. И подтвердили единство контекстных пар вне контекста. Чего не скажешь о совместной встречаемости в эксперименте трёх и более слов, присутствующих в одном художественном контексте, – такие связи за пределами художественного текста распадаются.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Каждый эксперимент даёт свои результаты. Один из ключевых результатов в эксперименте воронежских филологов – информация о том, как ведут себя «свои» и «чужие» слова. Принимает автор их или отторгает? Какие слова: случайные или те же, что использует в художественных текстах, – испытуемый задействует в ответах на вопросы в психолингвистических экспериментах чаще?

За результатами следуют интерпретации.

И снова в дело идёт техника – с помощью компьютерных программ по данным проведённых экспериментов вычерчивается ассоциативно-вербальная сеть.

Информация, полученная экспериментальным путём, даёт понять, как связаны друг с другом используемые слова, какую роль играют маркемы в построении ассоциативно-вербальной сети.

Исследование показало: в нехудожественной речи автора, равно как и в его художественных текстах, маркемы оказываются значимыми, активно используемыми. Это отчётливо подтвердили эксперименты, в которых участвовала Галина Умывакина: доля совпадений маркем в её случае оказалась очень высокой. В экспериментах с Полиной Синёвой доля совпадений оказалась ниже, но гипотезу всё равно подтвердила.

В случае с Юлием Гуголевым исследователи усложнили задачу: в экспериментальный список были включены слова трёх типов – маркемы, «чужие» слова и частотные слова (которые похожи на маркемы, но по некоторым параметрам от них отличаются). Эксперимент с Юлием Гуголевым показал: «чужие» слова в текстах, созданных в экспериментальной ситуации, используются гораздо реже, чем маркемы и частотные слова. Что же касается самих маркем и частотных слов, то они практически сыграли вничью.

Время – ещё один аспект исследования филологов ВГУ. И в этом снова помогла Полина Синёва: в одном и том же эксперименте она участвовала с разницей в шесть лет. Результаты любопытные. Во-первых, в полученном через годы экспериментальном материале снова часто встречаются маркемы. То есть поэт интуитивно распознаёт свои слова, тяготеет к ним. Во-вторых, по прошествии лет повторяются ассоциации на «свои» слова (и в то же время не повторяются на «чужие»).

Один из возможных путей дальнейшей работы – расширение материала исследования. Маркемы можно извлекать не только из поэтических текстов, но и из прозаических, из публицистических и многих других. Интересно сопоставить поведение ключевых слов одного и того же автора в экспериментальных текстах-симптомах, стихах и, например, постах в социальных сетях. Разумеется, если все эти тексты у автора есть.

ПОДВОДИМ ИТОГИ

Марьяна Розенфельд подчёркивает:

– Мы изучаем не современную поэзию – мы изучаем языковое сознание.

Между тем есть в этом исследовании и мотив краеведения – пробуждение интереса и к воронежскому тексту, и к его создателю.

Остаётся только сказать о практической значимости исследования – как его можно применить за пределами лингвистики?

Например, чтобы установить авторство текста; чтобы идентифицировать личность по текстам разных типов (если зайти со стороны юриспруденции); чтобы интерпретировать текст с точки зрения литературоведения, семиотики, герменевтики – вечные вопросы изучения творчества.

Наверное, достаточно, чтобы понять: исследование филфаковцев – не только филологическое, но в первую очередь междисциплинарное. А именно такими работами всегда интересовались не только учёные, но и широкие массы. Общество. Социум.

Почему?

Может, потому что именно на стыке наук происходят самые нужные и верные открытия?

А если так, то будем верить, что филологи ВГУ – на полпути к такому открытию.

КОМАНДА ВГУ «ДОКТОР НАУК АКАДЕМИК ШВАРЦЕНГОЛЬТ» – ПЕРВАЯ НА ВСЕРОССИЙСКОМ СТУДЕНЧЕСКОМ МАРАФОНЕ

Текст: Александра ГАНИНА

Фото: Сергей ЧЕЧЕНЕВ, магистрант 2-го курса
медико-биологического факультета

Команда Воронежского госуниверситета «Доктор наук академик Шварценгольт» стала первой на Всероссийском студенческом марафоне. Соревнования проходили с 3 по 7 февраля в селе Ольгинка (Туапсинский район Краснодарского края). В них приняли участие представители 32 вузов из 17 регионов.

Вторыми на студмарафоне стали представители Ярославского госуниверситета («Команда, которую я люблю»). Третье место взяли студенты Волгоградского государственного социально-педагогического университета («Знак качества»).

Также студенты ВГУ заняли первые места в танцевальном конкурсе, турнирах по настольному теннису, городошному спорту, мини-футболу среди юношей, спидкубингу (соревнования по сборке кубика Рубика на время) и диджеингу (мастерство диджея). Ребята стали вторыми в интеллектуальном турнире «Своя игра», интеллектуальных играх «IQ Марафон» и «Брейн-ринг», в конкурсе арт-объектов, вокальном конкурсе, турнире по баскетболу, кибертурнире «FIFA22», а также в творческой программе и всероссийском кубке юмора. В конкурсе боди-арта «Русские узоры» наша команда взяла третье место.

АСПИРАНТКА ФИЛФАКА ВГУ ДАРЬЯ ГАЛЬЦОВА: «НАУКОЙ НУЖНО ЗАНИМАТЬСЯ КАЖДЫЙ ДЕНЬ»

Текст: Александра ГАНИНА

Фото: Юлия УСТЬЯНЦЕВА

21 января в России отмечают День аспиранта. Мы поговорили с аспиранткой филфака ВГУ Дарьей Гальцовой, которая нашла дело всей жизни – диалектологию.

– Почему ты решила поступить на филфак?

– В детстве я мечтала быть фармацевтом: очень хотела изобрести таблетку от смерти. Выросла, стала понимать, что это нереально, но всё равно как будто на автомате продолжала всем говорить, что буду лечить людей. Всё изменилось, когда русский язык и литературу стала вести новая учительница – **Ирина Александровна Сысовская**. Мы все были очарованы ею! К её занятиям было очень сложно готовиться, но зато – очень интересно. Уроки были каждый раз разные. Например, урок литературы мог стать судом над Пугачёвым. Класс делился пополам: одни оправдывали Пугачёва, другие обвиняли, и таким образом мы учились аргументировать своё мнение на примере текста. Это было захватывающе!

Я сама не помню, когда впервые сказала, что буду поступать на филфак, но это было настолько очевидно... Я просто болела русским языком и литературой.

– Ты поступила на филфак – что тебя больше всего впечатлило?

– Наверное, самое впечатляющее – списки литературы, которые нам раздали на первых семестрах. Я очень люблю читать, у нас это семейная традиция, но к таким колоссальным спискам я была морально не готова. Пары же мне очень нравились, у меня была неплохая база, на которую постоянно накладывалось что-то новое. Я ходила на занятия с удовольствием. Помню, что мои знакомые звали меня погулять во время лекции. До сих пор вспоминают, что я им ответила: «Я так хочу послушать, что мне жалко пропускать». Меня до сих пор «подкалывают».

– Как ты работала со своей первой курсовой?

– Мне всю жизнь везло с учителями. Это истинное счастье – встретить увлечённых своим делом людей. Моим научным руководителем стала **Вельмира Ивановна Дьякова**, к которой я случайно попала. Она искала студентку из сельской местности, чтобы заниматься с ней диалектами – потому что работать над ними лучше с тем, кто хоть немного их слышит в жизни. В тот год на кафедре славянской филологии я была одна из села, и Вельмира Ивановна сказала, что хочет со мной поработать. Я плохо представляла, чем буду заниматься. Мне просто нравилась история языка, и я выбрала эту кафедру. Никакой конкретной цели у меня не было. На первой же нашей встрече Вельмира Ивановна поручила мне приезжать домой в Старый Курлак (Аннинский район) на выходные, ходить ко всем бабушкам и собирать диалекты. То есть – просто с ними разговаривать и записывать всё на диктофон, а потом расшифровывать. И я честно несколько раз ходила, сделала штук пятнадцать записей. Начала переслушивать и очень расстроилась – мне казалось, что я ничего не собрала. Бабушки рассказывали о жизни, о войне, о голоде, о внуках... Были весёлые истории, были печальные. У меня не было достаточной подготовки, чтобы найти в этом что-то лингвистическое. Я пришла к Вельмине Ивановне расстроенная. Но когда включила диктофон, лицо моего научного руководителя засияло. «А вот здесь как они говорят! Да ты только послушай, как это звучит!»

Затем я собирала материал из Нового Курлака. Записи произвели фурор: выяснилось, что в село переселились люди из северных и северо-восточных территорий. И у этих людей совсем другой говор. Два села рядышком, даже школа одна, все друг друга прекрасно знают и разговаривают друг с другом. Но в Старом Курлаке – южнорусский диалект (там аканье, яканье, чисто воронежское фрикативное «г»), а в Новом Курлаке – севернорусский: остатки оканья, «сивер». Я всё это слышала с детства и не заикливалась – оказалось, что для диалектологии это очень важно, тема для настоящего исследования. Эти говоры 300 лет взаимодействуют, а разница всё ещё не стёрлась. Это просто фантастика!

И вот тут меня затянуло. Нужно было сравнить говоры и самой провести исследование – сделать что-то пусть и маленькое, но своё. Но тогда я думала, что мне просто интересно делать курсовые работы.

– К каким выводам ты пришла в этой работе?

– Я поняла, что на 95 % перемешалась лексика. Это самый подвижный и изменчивый уровень языка: слова очень быстро стали взаимозаменяться. Фонетика – это постоянный уровень, и потому даже за 300 лет говоры очень медленно меняются. Как бы они при этом ни взаимодействовали. Если дома у людей постоянно «окают», то и дети будут «окачать», и внуки, и правнуки. Правда,

это касается XVIII, XIX, XX веков. Сейчас такого нет: выросли значения социума, литературного языка, телевидения и интернета.

– Как ты пришла к тому, что готова не просто писать курсовые, но и заниматься наукой?

– Перелом произошёл, когда я дописывала диплом. Я понимала, что заканчивается бакалавриат и мне надо выбирать, чем заниматься дальше. Я постоянно задавала себе вопросы: кем я себя вижу, с чем хочу связать свою жизнь? Понятно, что с филологией, но с каким именно аспектом? Незаметно пришло понимание, что я отказывалась от всего – от преподавания в школе, от редакторской или корректорской работы, от лингвокриминалистики, – но не от научной деятельности. Когда я думала о диалектологии, всё складывалось.

Во время моего второго курса магистратуры освободилось место сотрудника кафедры. Это была возможность проводить много времени на кафедре, разбирать картотеку (которую собирают с 1946 года)... Так что я писала магистерскую и работала на кафедре. Ну и после магистратуры я, разумеется, пошла в аспирантуру – на нашу кафедру.

– Ты очень много времени уделила иностранным студентам: адаптировала диалектный лексический материал для студентов из Туркменистана и даже выиграла грант на эти занятия.

– На втором курсе у меня была педагогическая практика. И, конечно же, мне досталась диалектология, что же мне ещё могло достаться! Одна группа состояла полностью из русских студентов, вторая – из русских и туркменских студентов. Я понимала, что всем тяжело. Но если русским было просто тяжело, то иностранцам – неимоверно. Диалектологию нужно изучать с обязательным знанием литературного языка. Иностранцы, конечно, владели им не в совершенстве. Тем не менее, учебный план у всех – один и тот же. Я на всё это смотрела и понимала, что очень хочу помочь туркменским студентам усвоить диалектологию на должном уровне.

Увидела объявление о конкурсе, который проводил Институт русского языка имени Пушкина, а он как раз специализируется на работе с иностранцами. Я за вечер составила заявку, отправила и забыла. И дальше произошло как в фильме: я прошла в полуфинал! Надо было делать презентацию, развёрнутый доклад, подсчитывать смету – это грант! Я ещё раз всё серьёзно проработала. Но всё равно была уверена, что не войду в десятку победителей. И тут мне говорят, что заключат договор со мной... Ещё больше захотелось реализовать проект!

– Что ты сделала, чтобы туркменские студенты смогли справиться с диалектологией?

– Я сделала ставку на наглядность: на занятиях ребята узнавали общую лингвокультурную информацию, смотрели картинки и вертели в руках макеты. Таким образом студенты изучали, например, русскую избу. Сначала на картинках, потом на макетах, повторяли много-много раз. Названия одежды мы учили на кукле в народном костюме Воронежской губернии. Это, конечно, немного школьный подход, но с иностранными студентами он работает. Им становится интересно!

В финале проекта мы пошли в музей народной культуры и этнографии на филфаке. Это были настоящие аутентичные предметы быта. Я очень радовалась, когда ребята подходили к тому или иному предмету, говорили диалектичное название. Студенты попробовали всё на себе, ставили чугуны в печь с помощью ухвата, примеряли «сороку» – женский головной убор.

Какие результаты? Ни одной оценки «неудовлетворительно». На тройки написали те, кто редко посещал занятия, а у остальных были твёрдые, настоящие четвёрки и пятёрки. Такое у иностранных студентов бывает не часто, особенно на предмете «диалектология».

– Какой работой ты занимаешься сегодня?

– Моя работа связана с историей диалектологии – «Синхронные и диахронические процессы в лексике воронежских говоров». Я изучаю – в том числе на материалах исторических памятников – взаимодействие, лексико-семантические процессы. То есть утраченные и новые значения слов, как развивались эти значения. Я понимаю, что это дело, которым можно заниматься всю жизнь и каждый раз открывать для себя что-то новое. Ведь для меня наука – это открытия, поиск закономерностей, взаимосвязей. Ты постоянно думаешь, анализируешь, рассуждаешь – даже если не пишешь в этот конкретный момент, всё равно мысли в голове крутятся. Мышление становится по-настоящему научным. Когда я долго не прикасаюсь к науке, чувствую, что начинаю тупеть. Нехорошее слово, но вот другого не подберёшь! Наукой надо заниматься понемножку, но каждый день.

**Н. Н. Бурденко, портрет работы
П. И. Котова, 1946 г.**

Из аннотации к картине:

«С ... традиционных для русского реалистического искусства позиций Котов подошёл к решению образа замечательного советского врача Николая Ниловича Бурденко. Учёный изображён в минуту отдыха, сидящим в кресле с книгой на коленях. Но в его полной сил фигуре, в постановке большой характерной головы нет расслабленности, стремления к покою. Пронзительно смотрят на зрителя живые, цепкие глаза, чуть сморщен крутой упрямый лоб, за которым явственно ощущается биение мысли. Отдыхают – в обычном значении этого слова – только руки, большие сильные руки хирурга.

Портрет захватывает значительностью изображённого характера. Это ощущение достигается не только раскрытием психологии портретируемого, но и всем комплексом художественных средств – устойчивой крупномасштабной композицией, неброской, но тонко сгармонированной палитрой плотных тёплых тонов».

ПРОФЕССОР ВГУ – ГЛАВНЫЙ ХИРУРГ КРАСНОЙ АРМИИ

Текст: Михаил ШТЕЙНБЕРГ

Фото: из архива автора

Одним из первых профессоров ВГУ был Николай Нилович Бурденко.

Крупный учёный, гордость русской науки. Один из основоположников отечественной нейрохирургии.

Действительный член Академии Наук СССР, действительный член и первый президент Академии Медицинских наук СССР, Герой Социалистического труда, генерал-полковник медицинской службы, главный хирург Красной Армии, награждён тремя орденами Ленина, медалями, лауреат Сталинской премии, кавалер ордена Отечественной войны 1-й степени, Почётный член Международного общества хирургов и Лондонского королевского общества, Заслуженный деятель науки РСФСР.

Николай Нилович Бурденко прожил очень насыщенную событиями жизнь: доктор медицины, участник студенческих волнений и пяти войн... Он был выдающимся организатором отечественного здравоохранения и блистательным хирургом-практиком.

ГОДЫ УЧЁБЫ

Николай Бурденко родился 3 июня (22 мая) 1876 года в селе Каменке Нижне-Ломовского уезда Пензенской губернии в семье Нила Карповича Бурденко, управляющего имением мелкого помещика. Начальное образование Николай получил в Каменской земской школе, а в 1886 году поступил в Пензенское духовное училище, а затем в Пензенскую духовную семинарию (1891), по окончании которой на отличные оценки сдал вступительные экзамены в Санкт-Петербургскую духовную академию. Казалось бы, дело ясное: перед Николаем Бурденко открывается карьера по духовной линии, как вдруг... он увлёкся медициной!

Биографы Бурденко пишут, что Нил Карпович, узнав об этом, решил, что его сын умрёт под забором, и выдал несостоявшемуся священнику две почтовые марки номиналом по семь копеек:

– Сообщи, когда твой последний час придёт.

Но сын не умер под забором, а поступил на медицинский факультет Императорского Томского университета (1897). Успехи в занятиях по анатомии были таковы, что студент Бурденко уже на третьем курсе был назначен помощником профессора в анатомическом театре, одним из его самых любимых предметов стала оперативная хирургия.

В 1899 году до тихого Томска докатилась волна студенческих волнений.

А началось всё, казалось бы, с пустяков. Санкт-Петербургский университет готовился отпраздновать 80-летие, и ректор вывесил объявление, в котором предупреждал студентов об ответственности за возможные эксцессы. Оскорблённые студенты согнали ректора с кафедры во время торжественного заседания. Далее начались побоища с полицией. По высочайшему указу Николая II была создана комиссия, которая осудила действия Министерства народного просвещения и полиции, но было поздно: студенческие волнения пошли по всей России.

Николай Бурденко с его характером не остался в стороне и принял участие в самой настоящей студенческой забастовке, а потому был исключён из университета. Однако обошлось: прошение о восстановлении было, на первый случай, удовлетворено. В 1901 году Бурденко снова попадает в проскрипционные списки, возможно, по ошибке... Казалось, что начинают сбываться самые тёмные папины пророчества! Но Николай переводится на четвёртый курс медицинского факультета в Императорский Юрьевский университет: здесь всегда снисходительно смотрели на «грехи молодости» и давали приют «крамольникам».

Впрочем, революционные приключения продолжались и здесь, в Эстляндии: Бурденко опять замечен на студенческой сходке. Результат: отчисление!

Но и это ещё не смерть под забором. Херсонское земство пригласило медика-старшекурсника на временную работу по борьбе с эпидемией сыпного тифа.

Именно здесь, а не в университетской клинике, Николай Бурденко знакомится с практической хирургией. По необходимости занимается острыми детскими заболеваниями. Работает в колонии для детей, больных туберкулёзом.

Примерно через год возвращается в Юрьев, где профессора с радостью встретили талантливого студента.

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА

Николай Бурденко принимал участие в работе университетских отрядов по борьбе с самыми опасными инфекционными заболеваниями – чёрной оспой, тифом и скарлатиной.

В январе 1904 года он добровольцем в должности помощника врача выехал на Русско-японскую войну.

В летучем санитарном отряде, чья задача – оказание самой первой помощи непосредственно на поле боя, Бурденко исполнял обязанности санитар и фельдшера, а иногда, по крайней необходимости, даже заменял врача.

Случалось, что он выносил раненых солдат из-под огня противника. Здесь его и настигла японская пуля: ранение в руку.

За участие в Русско-японской войне был награждён солдатским Георгиевским крестом.

В декабре 1904 года Николай Бурденко вернулся в Юрьев.

ДИПЛОМИРОВАННЫЙ ВРАЧ

Начинается подготовка к экзаменам на звание врача.

Но время было беспокойным – в России началась революция. Даже почтеннейший университетский город Юрьев кипел. В «Обществе русских студентов» устраивались литературные вечера, носившие бунтарский характер, по всему городу проносились зажигательные речи, студенты пели революционные песни и распространяли прокламации. Была даже введена новая должность: «председатель всех студенческих сходок». На пост председателя баллотировались математик Николай Самбикин и медик Николай Бурденко, Самбикин победил с перевесом в один голос. Кстати сказать, за свою деятельность в этом качестве он вскоре был отправлен в ссылку без права возвращения в Прибалтийский край...

Но революция изучению медицины не помешала.

Февраль 1905 года: Бурденко – врач-стажёр в хирургическом отделении Рижской городской больницы.

Больница Воронежской Николаевской общины Красного Креста

Через год медицинский факультет выдал ему диплом лекаря с отличием.

В 1907 году Николай Нилович переехал в Пензу, здесь он работает хирургом в Пензенской земской больнице. Пишет диссертацию на соискание докторской степени: «Материалы к вопросу о последствиях перевязки *venae portae*» (воротной вены печени). Николай Нилович Бурденко, врач, воспитанный в традициях пироговской хирургии Дерптского/Юрьевского университета, увлёкся идеями физиолога И. П. Павлова! Защита диссертации состоялась в марте 1909 года.

Летом доктор медицины Бурденко уехал на стажировку в клиники Швейцарии и Германии. Через год он вернулся в Юрьев для работы на медицинском факультете. Профессор Д. М. Лавров 26 апреля 1910 года пишет рецензию, в которой говорит о диссертации Н. Н. Бурденко «...как о работе, которая не только удовлетворяет требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям, но и несомненно свидетельствует о талантливости её автора».

Николай Нилович становится приват-доцентом кафедры хирургии. И уже осенью 1910 года – экстраординарным профессором кафедры оперативной хирургии, десмургии (науки о медицинских повязках и их применении — М. Ш.) и топографической анатомии.

Преподавал также в местной зубоврачебной школе, опубликовал научные работы в области челюстно-лицевой хирургии (операции на лицевом нерве и по лечению врождённых расщелин верхней губы).

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ

В 1914 году Н. Н. Бурденко вновь пошёл добровольцем в армию.

Вступил в должность помощника заведующего медицинской частью Красного Креста при армиях Северо-Западного фронта.

С сентября 1914 года – консультант медицинской части Северо-Западного фронта.

Участвовал в наступлении на Восточную Пруссию и в Варшавско-Ивангородской операции.

Тяжело раненым лично оказывал неотложную медицинскую помощь, часто под огнём врага.

Стал организатором большого количества военно-полевых госпиталей и перевязочно-эвакуационных пунктов.

Первая квартира Н. Н. Бурденко в Воронеже, в которой он жил в 1918–1920 гг.

В условиях административного беспорядка и недостаточного количества санитарного транспорта лично организовал эвакуацию более 25 тысяч раненых военнослужащих.

Обо всех недостатках санитарной службы высказал всё прямо в глаза не кому-нибудь, а Верховному начальнику санитарной и эвакуационной части принцу А. П. Ольденбургскому. В результате принц устроил хороший разнос некоему генералу, которого за глубокие познания в медицине военные врачи называли «Виолончелистом».

– Я вас научу работать! – сказал в заключение своей речи принц «Виолончелисту».

В 1915 году Н. Н. Бурденко – хирург-консультант 2-й Армии.

Через год – хирург-консультант госпиталей Риги.

После Февральской революции был назначен исправляющим должность Главного военно-санитарного инспектора армии. Временное правительство, к сожалению, своей безответственной деятельностью внесло полную неразбериху в вопросы руководства и реформирования военной медицины, поэтому в мае 1917 года Бурденко снова вернулся в действующую армию, где чувствовал себя вполне на своём месте.

Летом снова попал под обстрел. Контузия. По состоянию здоровья на фронте больше оставаться нельзя, поэтому Николай Нилович возвратился в Юрьев на должность заведующего кафедрой хирургии – той самой, которой когда-то заведовал Н. И. Пирогов.

ВОРОНЕЖ

Утром 12 ноября 1918 года в больнице Воронежской Николаевской общины Красного Креста было совсем не уютно. Сырые дрова в металлической буржуйке никак не хотели гореть, а самодельная печная труба плохо тянула, поэтому в большой комнате ощутимо пахло дымом. Но до того ли было собравшимся? Это был первый день занятий в Воронежском государственном университете, и первую лекцию на медфаке читал профессор Бурденко!

В Воронеж он приехал с первым эшелонам.

Попутно вспомним о том, что когда в Юрьеве была объявлена эвакуация университета, германские оккупационные власти предложили Николаю Ниловичу остаться – единственному из всех русских профессоров. Ещё бы: восходящее светило науки, теоретик медицины и одновременно – выдающий-

Усадьба (дом с флигелем и хозяйственными постройками) Н. А. Глущенко, где жил профессор Бурденко с 1920 г.

ся хирург с большим фронтовым опытом. Но он решительно отказался.

В Воронеже юрьевцы любили вспомнить университетскую старину. Однажды Бурденко встретился с математиком Самбикиным и не удержался, «поддел» старого товарища:

– Ну, как тебе нравится большинство в один голос?

Бурденко сначала жил в доме при больнице, затем переехал в Неёловский переулок, где поселился в доме Н. А. Глущенко (современный адрес: ул. Пятницкого, д.69).

Было трудно.

Университет голодал.

Вот паёк студента ВГУ: 30 фунтов (12 кг) жмыха. В столовой, простояв более часа в очереди, студент получал лепёшку диаметром 8 и толщиной 1 см плюс тарелку очень жидкого супа без мяса.

Чудом сохранились ответы Николая Ниловича на вопросы анкеты «Материальное обеспечение профессоров ВГУ» (1919/20 г.):

1. Ф. И. О. Бурденко Николай Нилович, 42 года.
2. Должность – профессор университета.
3. Семейное положение – женат.
4. Жалованье – 3000 руб., 96 000 руб. в год.
5. Расходы:
 - а) на пищу – 6000 руб.;
 - б) на одежду и обувь – 3000 руб.;
 - в) на бытовые услуги – 1000 руб.;
 - г) на удовлетворение умств[енных] и эстетич[еских] потребностей – 2000 руб.
6. Квартира – казённая, одна комната 3×8 аршин.
7. Отопление – печью, вода – ведрами.
8. Температура зимой 1919 г. – 4 градуса.
9. Расход дров – 60 пудов.
10. Освещение – электрическое.
11. Туалет – нет.
12. Условия питания – паёк врачебный.
13. Продукты приобретались – всяческими способами.
14. Рабочие часы в день – 15 часов.
15. Отпуск – не было.

Сразу после приезда из Юрьева Н. Н. Бурденко в качестве официального консультанта принял участие в работе Воронежской общегородской больничной кассы и Союза больничных

касс Воронежской губернии, которые в то время занимались вопросами медицинского страхования; писал статьи по актуальным вопросам медицинской помощи в журнал «Бюллетень социального страхования». Газета «Воронежская коммуна» отметила: «...проф. Бурденко фактически был руководителем дела оказания медицинской помощи мирным трудящимся массам. И если это дело было поставлено в то время на должную высоту, то большая заслуга в этом принадлежит проф. Бурденко».

В Воронеже Н. Н. Бурденко заведовал кафедрой оперативной хирургии, клиниками общей и факультетской хирургии, преподавал в фельдшерско-акушерской школе при бывшей губернской земской больнице, организовал курсы военно-полевой хирургии.

По всей видимости, именно профессор Бурденко ликвидировал домовую церковь в больнице общины Красного Креста, отдав освободившуюся площадь под лечебные цели. Удивляться этому не нужно: в те годы победила философия вулгарного материализма, что стало причиной большого количества недоразумений...

В 1919 году Воронеж ненадолго был занят белоказаками.

Бурденко спас в своей больнице раненых красноармейцев, нарядив их в женские халаты и повязав им головы косынками.

Прискакал наряд казаков.

Что случилось потом? Есть две версии – московская и воронежская, – которые расходятся только в деталях.

Московский вариант.

– Мы знаем, профессор, о вашем сотрудничестве с красными! И если вы прячете в больнице раненых большевиков...

– Можете осмотреть больницу, но предупреждаю, что у нас лежат инфекционные больные... Тиф!

Казаки ускакали.

Воронежский вариант.

Николай Нилович вышел в своём мундире статского советника (бригадного генерала) медицинской службы, с Георгиевским крестом на груди. Прибывший офицер представился. Бурденко выслушал его с видом Павла I, принимающего парад в Петербурге.

Пауза.

Как сказать строгому профессору, что приехали искать у него в больнице красных?!

Бурденко:

– Молодой человек, я решительно не понимаю, что вас привело ко мне.

Офицер кое-как откланялся:

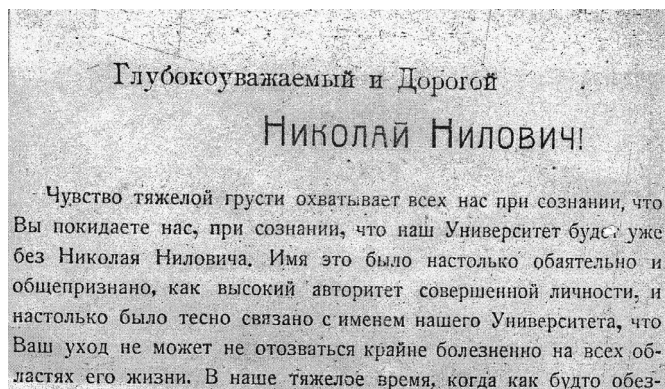
– Прошу прощения, ваше высочордие, ни в чём не виноват!!!

Казаки ускакали.

В своей монографии «История развития воронежской стоматологии» Е. В. Кравчук пишет, что Бурденко, будучи верен врачебному долгу, оказывал медицинскую помощь также раненым белой армии, вследствие чего имел потом небезынтересную беседу в ЧК, но всё обошлось без последствий.

Большое внимание профессор Бурденко уделял обучению воронежских врачей, причём с отстающими не очень церемонился и даже мог несильно хлопнуть по руке неумелого хирурга.

Вспоминает профессор А. А. Русанова: «Николай Нилович был невысокий, но широкий в груди, большеголовый; он не казался маленьким даже рядом с высокими людьми. Массивная фигура Бурденко поражала крепостью, устойчивостью

Прощальный адрес медфака ВГУ

и надёжностью. Крупные черты лица, рыжеватые волосы, большой лоб, пронизывающий взгляд. Твёрдый, непоколебимый, смекалистый. Одевался просто, даже небрежно. Студенты IV курса, на котором он преподавал, его боялись, но лекции посещали охотно, так как они были очень содержательные и дельные».

В 1920 году Бурденко выезжал на Польский фронт.

В марте 1923 года Н. Н. Бурденко пригласили на работу в Москву. Прощальное чествование заслуженного профессора состоялось в актовом зале ВГУ 3 марта в 6 часов вечера.

Математик Самбикин, известный покровитель искусства и науки, зачитал стихи собственного сочинения:

*Ну, Нилыч, ты нам удружил!
Какой злой дух в тебя вселился?
Так дружно, долго с нами жил
И вдруг Москвой теперь пленился.*

*Недаром ректор, наш отец,
Сказал однажды: «Эх, Воронеж,
Ведь ты Бурденку проворонишь...»
И... проворонил, наконец.*

<...>

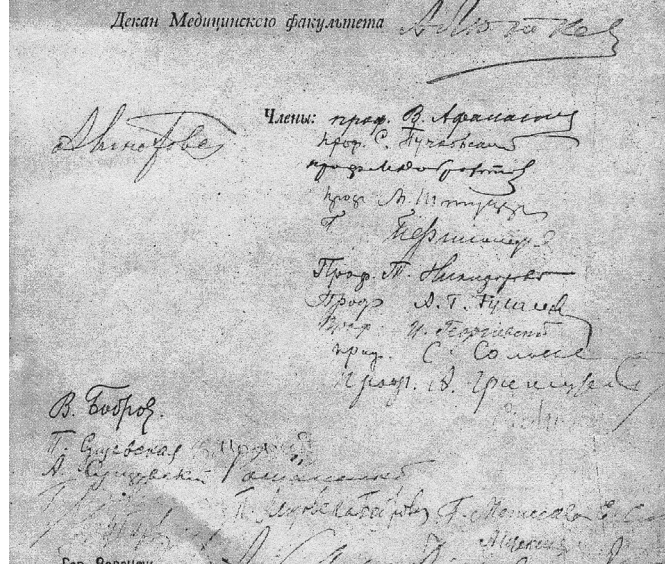
*Нам и обидно, нам и больно,
И плачет, и скорбит невольно
Осиротевший факультет:
«Бурденко был, Бурденки нет».*

На прощание Николаю Ниловичу был преподнесён памятный адрес на четырёх страницах. Возьмём оттуда небольшую цитату: «Благодаря именно удивительной жизненности, если так можно выразиться, конкретности Вашей работы, влияние Ваше на окружающую жизнь всегда было громадно... На глазах старейших представителей Юрьевского (ныне Воронежского) университета идёт непрерывный рост Вашей личности, как представителя науки, так и большого талантливого администратора. Этими же свойствами Вашей личности нужно объяснить и то обаяние, которым Вы пользуетесь и среди своих ближайших младших коллег по клинике и в совершенно частной жизни».

МОСКВА

Здесь Николай Нилович занял должность профессора медфака МГУ (с 1930 года – Первый Московский медицинский

институт). Через шесть лет – директора нейрохирургической клиники при Рентгеновском институте Народного комиссариата здравоохранения СССР, в 1934 году на базе клиники был создан первый в мире Центральный нейрохирургический институт (в настоящее время – НМИЦ нейрохирургии имени академика Н. Н. Бурденко).

институт). Через шесть лет – директора нейрохирургической клиники при Рентгеновском институте Народного комиссариата здравоохранения СССР, в 1934 году на базе клиники был создан первый в мире Центральный нейрохирургический институт (в настоящее время – НМИЦ нейрохирургии имени академика Н. Н. Бурденко).

В эти годы профессор Бурденко пишет первое «Положение о военно-санитарной службе Красной Армии». Он – один из первопроходцев хирургии центральной и периферической нервной системы, исследовал последствия острых травм, а также оперативного вмешательства в нервную ткань, разработал технику бульботомии (операции в верхнем отделе спинного мозга), работал над изучением причин возникновения и методов лечения шоковых состояний, особенностей мозгового кровообращения и другими вопросами.

Создал хирургическую школу, которая объединила теорию, экспериментальные исследования и лечебную помощь населению. Будучи большим знатоком в области патологических процессов в организме, профессор Бурденко постоянно повторял студентам: «Изучайте нормальную анатомию, ибо без знания нормы вы не поймёте патологии – так, например, шестипалость будет казаться вам нормальным явлением!»

Редактировал медицинские журналы.

С 1929 года возглавлял Московское хирургическое общество.

В 1932–1946 годах был председателем правления Общества хирургов РСФСР.

В 1937 году стал главным хирургом-консультантом Военно-медицинского управления Красной Армии.

Ещё через два года был избран действительным членом Академии наук СССР.

Стал членом ВЦИК XVI созыва, депутатом Верховного совета СССР I и II созывов.

Участвовал в советско-финской войне (1939).

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

Разумеется, в 1941 году Бурденко вновь в рядах защитников Родины. Он назначен на должность главного хирурга Красной Армии. Он выезжает на театр боевых действий, под его руководством во фронтовых госпиталях проходит внедрение новейших лекарственных препаратов – сульфидина, стрептоцида и пенициллина. Результат: спасение тысяч жизней советских бойцов и командиров.

Положение на фронтах было сложнейшим. В первый же военный год Николай Нилович попал под бомбардировку, снова был контужен. Возможно, отдалённым последствием контузии были два инсульта, после которых он почти полностью утратил слух.

Эвакуация в Омск, лечение.

Затем возвращение в Москву – и снова поездки на фронт.

...Январь 1944 года. Николай Нилович в качестве председателя комиссии по расследованию расстрела польских офицеров выезжает в Катынь. В состав комиссии вошли весьма уважаемые советские граждане: писатель Алексей Толстой, митрополит Николай (Ярушевич), председатель Всеславянского комитета генерал Александр Гундоров, председатель Исполкома советских обществ Красного Креста и Красного Полумесяца профессор С. А. Колесников, нарком просвещения, академик Владимир Потёмкин и др. Предстояло выяснить, кто проводил расстрел – гестапо или НКВД?

Это настоящая детективная история.

Расследованию сопутствовали удивительные обстоятельства.

Начнём с того, что в комнате, которую предоставили академику Бурденко в Орле, совершенно случайно (!) оказался номер немецкой (!) газеты с материалом как раз на эту тему... К тому же появился некий гражданин с целой коллекцией газет такого же рода.

Улики, таким образом, находились сами собой.

От Бурденко требовалось медицинское заключение. Он выдвинул теорию «немецкого почерка расстрела»: это одиночные выстрелы с небольшого расстояния в затылок пулями калибра 8 мм. В качестве контрольного материала из Смоленской области были затребованы черепа людей, относительно которых было точно известно, что они расстреляны оккупантами. Соответствующий анатомический материал предоставил профессор Л. И. Смирнов. Комиссия постановила: это дело рук немцев. Сегодня пишут, что Николай Нилович в частных беседах утверждал, что у него есть целый ряд сомнений. Обсуждать сочинения мемуаристов можно сколько угодно, но принято считать, что комиссия сознательно написала то заключение, которое от неё ждали.

Нужно сказать, что точка в этой истории не поставлена до сих пор...

По инициативе Н. Н. Бурденко в том же 1944 году была создана Академия медицинских наук СССР, и Николай Нилович был избран её действительным членом и президентом.

В мае 1944 года академику Бурденко было присвоено звание генерал-полковника медицинской службы.

Николай Нилович Бурденко стал прототипом академика Кипарского в романе Вениамина Каверина «Поиски и надежды» (трилогия «Открытая книга»):

«Кипарский – генерал-полковник медицинской службы – грузный, коротконогий, глухой, со слуховым аппаратом, в котором ежеминутно что-то ворчит и который он настраивает, подкручивает, подправляет.

<...>

Аппарат ворчит, и, подкрутив какой-то упрямый винтик, Кипарский начинает водить микрофоном по воздуху перед моими губами.

– И не сидеть сложа руки, да-с, а поехать на фронт и доказать, что представляет собою ваш препарат в полевых условиях.

<...>

– Хорошо, я подумаю, Николай Аникиныч.

– Что? Не слышу. Вот проклятая машина!

Подкручивает, настраивает, подправляет...».

Насчёт слухового аппарата – это не просто штрихи к портрету учёного. Дело в том, что когда с академиком Бурденко заводи́ли какой-нибудь щекотливый разговор, слуховой аппарат обязательно ломался, и Николай Нилович, извинившись за свою глухоту, просил собеседника написать сказанное на бумажке. Потом бумажка внимательно прочитывалась, после чего исчезала в кармане генеральского кителя. Если со временем точка зрения на данную проблему менялась у собеседника на прямо противоположную, то Бурденко, сделав невинное лицо, извлекал из кармана ту самую записочку и спрашивал: «Это вы писали?» Тактика оказалась верной – любители ненужных разговоров куда-то пропадали сами собой.

В знак признания заслуг перед медициной ему был подарен эксклюзивный набор медицинских инструментов от союзной Великобритании.

Летом 1946 года случился третий инсульт – 11 ноября 1946 года Николай Нилович умер. Он похоронен на Новодевичьем кладбище.

IN MEMORIAM

Российской академией наук за выдающиеся заслуги в области нейрохирургии или военно-полевой хирургии вручается золотая медаль Н. Н. Бурденко.

Именем академика Бурденко названы улицы в Воронеже и ещё в 18 городах, Главный военный клинический госпиталь Министерства обороны Российской Федерации, Национальный медицинский исследовательский центр нейрохирургии (Москва), клиника факультетской хирургии Первого Московского государственного медицинского университета им. И. М. Сеченова, Пензенская областная больница, на территории которой установлен бюст Н. Н. Бурденко.

Образ Николая Ниловича запечатлён в произведениях искусства – картины, бюсты...

В Воронеже мемориальные доски установлены на главном корпусе ВГМУ и на доме, где жил Бурденко.

Дом родителей Николая Ниловича перенесён на территорию Пензенской областной больницы, в нём работает музей академика Н. Н. Бурденко.

Автор выражает благодарность зав. музеем истории ВГМУ им. Н. Н. Бурденко С. В. Марковой за помощь в работе над материалом.

A woman with long dark hair, wearing a light-colored blouse and a dark vest, is seated at a wooden table in a library. She is holding an open book and looking towards the camera. The table is lit by a small candle in a brass holder. There are stacks of books and busts on the table. The background is filled with bookshelves.

На фото: Наталья Гинько
Макияж: Софья Фролова,
@makeupfro
Локация: ЗНБ ВГУ

Адрес редакции и издателя:
394018, Воронеж, ул. Фридриха
Энгельса, дом 8, к. 9.
Тел.: 222-60-59
E-mail: press@main.vsu.ru

Номер подписан в печать:
по графику 14.02.2022 в 16:00,
фактически 14.02.2022 в 15:00.
Заказ 92
Тираж 900

Отпечатано в типографии
Издательского дома ВГУ.
Адрес: 394018, Воронеж,
площадь Ленина, 10, к. 70.